

Елена Пастухова

Елена Ивановна Пастухова – кандидат исторических наук. Окончила исторический факультет Благовещенского государственного педагогического университета. Работала старшим редактором библиотеки РАН в Ленинграде. Вернувшись на родину, в Благовещенск-на-Амуре, почти тридцать лет работала в Амурском областном краеведческом музее им. Г. С. Новикова-Даурского, с 2002 по 2019 год – директором музея. Ведёт большую общественную краеведческую работу. Автор сотен статей по отечественной истории, уделила внимание и Антону Павловичу Чехову, некогда посетившему Амур по дороге на Сахалин.

ТАЙНЫ КЛЕОПАТРЫ

Предлагаю отметить 175-летие со дня рождения русской, советской актрисы Каратыгиной Клеопатры Александровны (1848–1934). Вы ничего не слышали о ней? Я тоже, но только до того момента, как стала всё глубже погружаться в историю путешествия Чехова на Сахалин в 1890 году. Сейчас с более пристальным интересом всматриваюсь в её оригинальную личность, вижу в ней ум, талант, глубокие душевные качества.

Роль, которую сыграла Клеопатра Каратыгина в решении Чехова отправиться на Дальний Восток, не в полной мере оценена. А ведь именно она, побывав с гастрольями на Сахалине, объехав Дальний Восток и Сибирь, впервые рассказала Чехову о каторжном острове. Их связывали близкие отношения. Чехов доверял Каратыгиной.

Английский писатель Дональд Рейфилд в своей книге «Жизнь Антона Чехова» так пишет о Каратыгиной: «Клеопатра Каратыгина, единственная женщина в жизни Чехова старше его по возрасту. Ей шёл сорок второй год (в 1889 г. Чехову – 29 лет). Она была некрасивая и необщительная. Это была самая худая и неудачливая актриса Малого театра, к тому же имевшая прозвище “Жужелица”... Клеопатра полжизни провела в Сибири, служила гувернанткой в Кяхте, и её рассказы заронили в Чехове искру интереса к этому краю».

Фраза «полжизни провела в Сибири», вызвала у меня желание подробнее узнать именно об этом периоде жизни Клеопатры Александровны.

Выяснила, что начиная с 1870 года, после вступления в брак с А. Л. Каратыгиным, провинциальным актёром, племянником знаменитых актёров В. А. и П. А. Каратыгиных, она играла в Самаре, Перми, Екатеринбурге, Ирбите, далее – в Иркутске, Верхнеудинске, Нерчинске, Хабаровске, Владивостоке и на Сахалине.

Нигде, однако, в источниках не указывается Благовещенск, что кажется странным и не вполне правдоподобным.

Будучи убеждённой в том, что Каратыгина не могла проехать мимо Благовещенска, я стала искать этому подтверждение. И вот наконец в иркутской газете «Сибирь» за 29 августа 1878 года обнаруживаю заметку о гастрольях Каратыгиной в Благовещенске, 145 лет назад, в июне 1878 года.

Предлагаю познакомиться с этой колоритной заметкой, тем более что в ней описываются нравы жителей Благовещенска в 1878 году, их настроения и отношения к спектаклям приезжих актёров.

«Благовещенск на Амуре. В начале июня (1878 г.) прибыли в наш скучный городок приезжие артисты, – жрецы театрального, магического и гимнастического искусств. Подобных представлений Благовещенск, кажется, ещё никогда не видывал от начала своего существования.

Мизерный и скучный городок наш вместо своей обычной постной физиономии принял весёлый, праздничный колорит. Монотонная, однообразная жизнь, в которой дни похожи один на другой, как две капли воды, выступила из своей колеи; всё заволновалось, зашевелилось. Против обыкновения,

вечерами мы стали выползать на бульвар, забыли карты, составляющие нашу насущную потребность, и почти ежедневно посещали балаган, окрещённый громким названием “летнего театра”, который явился как бы “по щучьему велению”, моментально.

Сценические представления особенно посещались охотно, с любовью. Всякий раз, как только на эстраде появлялись жрецы мельпомены, публика валила в театр, даже самые густые сливки общества и элегантные дамы, свысока смотревшие на другие представления, как на вульгарные, спешили занять свои места, высказывая при этом, что поддержать заезжих актёров – дело приличия.

Теперь и разговоры наши возвращаются преимущественно в сфере, до этого времени нам неизвестной: театр, спектакли, игра и таланты актёров, – теперь самые ходячие темы в нашем обществе.

Отзывы и суждения об этих предметах, как и обыкновенно бывает, разноречивые. Но, не увлекаясь крайностями, можно сказать по справедливости, что в общем игра на сцене шла довольно удовлетворительно, за малым исключением, хотя, в частности, и оставалось желать многого. Репертуар был разнообразен: играли и пустые, безсодержательные водевили, с дивертисментом в заключение, ставили на сцене и комедии, и трагедии малоизвестных авторов, и пытались играть кое-что из классических творений. На однообразии репертуара нельзя было пожаловаться. Но так как приезжим актёрам г-же Каратыгиной и г. Ионову в некоторых случаях невозможно было играть по две, по три роли в одной и той же пьесе, то по необходимости приходилось им вербовать новых жрецов-дилетантов, которых найти в Благовещенске нелегко, или сокращать и переделывать пьесу, выпуская иногда целые акты. К последнему прибегали чаще, – и результатом безцеремонного отношения к пьесам, когда в них много вычёркивалось, один акт связывался с другим только механически и совсем не выяснялась внутренняя органическая связь между ними, действие представлялось совершенно *ex abrupto*, падающим как снег на голову, результатом такого отношения было то, что посетители театра никогда не выносили целостного представления о разыгрываемой пьесе, многое понимали превратно, а много и совсем не понимали.

Что же касается самой игры, выполнение актёрами известных ролей, то в большинстве случаев она шла весьма не дурно, хотя и были иногда пьесы, которые игрались плохо.

Будем надеяться, что, со счастливой руки заезжих актёров, придёт кому-нибудь в голову мысль и в длинные, скучные зимние вечера устроить любительские спектакли, тем более что уже на лицо есть несколько дилетантов-актёров, которые принимали участие в спектаклях г-жи Каратыгиной».

Какие спектакли играла в эти годы Каратыгина, какие могли смотреть благовещенцы в 1878 году? К сожалению, автор газетой заметки не уточнил театральную программу. Мы можем только предположить, опираясь на опубликованные дневники актрисы.

Вот что писала в своём дневнике Каратыгина: «Репертуар мой в те годы был самый разнообразный: серьёзные первые характерные роли Кабановой в “Грозе” или Мурзавецкой в “Волках и овцах” перемежались с партией Мефистофеля в оперетте Эрве “Фауст наизнанку” или опереттой “Все мы жаждем любви”; я пела куплеты, романсы, даже главные оперные партии, например, в “Роберте-дьяволе”, и танцевала в дивертисментах».

Но вернёмся к Чехову и его поездке на Сахалин. Именно Каратыгина, за полгода до того как об этом все заговорили, первой узнаёт о желании Чехова ехать на Сахалин. Происходит это 15 июня 1889 года. Чехов просит её никому не рассказывать, и Каратыгина хранит тайну. Она конспектирует статьи о Сибири в Публичной библиотеке и подробно описывает свой собственный опыт. Клеопатра снабдила Чехова адресами своих сибирских друзей, записала даты навигаций сибирских рек, а на день рождения подарила Чехову собственноручно сшитую дорожную подушку: «Пригодится, может быть, положить её под голову, когда будет Вас качать на пароходе». Значительно позже, в 1932-м, Каратыгина в своих воспоминаниях горько раскисалась. Она была уверена, что «именно это путешествие по отчаянным дорогам, в распутицу, на лодках между льдинами или пешком по колено в ледяной воде, под дождём и снегом, всё это, несомненно, укукошили его». Возможно, Клеопатра Александровна была права, но мне хочется напомнить восторженные слова Чехова об Амуре: «**Описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею, пасую перед ними и признаю себя нищим. Я в Амур влюблён... И красиво, и просторно, и свободно, и тепло...**»

ОБЕДЫ БЕЛЛЕТРИСТОВ

и о том, что связывало писателя А. П. Чехова и журналиста С. В. Максимова

В 2020 году мы отметили 160-летие со дня рождения А. П. Чехова и 130-летие его путешествия на Сахалин. Я внимательно познакомилась со списком книг и статей, которыми пользовался Чехов, собираясь в поездку. Среди многочисленных изданий Чехов называет и книгу Сергея Васильевича Максимова «Сибирь и каторга» (СПб., 1871).

В 2021 году и С. В. Максимов отметил юбилей со дня рождения – 190-летие. Появилось желание объединить эти два имени: проследить, когда и при каких обстоятельствах Чехов упоминает Максимова в своём творчестве, дневниках и письмах. Сергей Васильевич Максимов (25.09.1831–03.06.1901) – этнограф, фольклорист, журналист. В 1860–1861 годах в составе экспедиции морского ведомства совершает длительное путешествие на Амур, цель которого – этнографические исследования на русском и китайском берегах Амура, изучение условий жизни переселенцев. Побывал в Японии, в Маньчжурии. Результатом путешествия стала книга «На Востоке. Поездка на Амур» (СПб., 1864).

Впервые имя Максимова Чехов называет в 1886 году в «Литературном табеле о рангах», опубликованном в журнале «Осколки». Несмотря на шутливость чеховской «литературной таблицы» (подпись – Человек без селезёнки), в ней просматриваются действительные симпатии и антипатии автора к современным литераторам. Что касается Максимова, то к нему Чехов испытывает явную симпатию и причисляет его к разряду «Коллежских советников» вместе с Сувориным, Майковым, Гаршиным, Плещеевым.

В следующем, 1887 году Чехов пишет рассказ «Встреча», где образ Кузьмы Шквореня был под-сказан очерком С. В. Максимова «Два пустосвята», и в качестве эпитафии Чехов берёт цитату из этого очерка, в котором автор описывает портрет убийцы Зыкова, гражданскую казнь которого он наблюдал в 1860-м. Встретив Зыкова в Нерчинске и поговорив с ним, Максимов делает вывод, что он безнадежно неисправим. Этот очерк появился, когда продолжалась полемика вокруг философских произведений Толстого. Обращение Чехова к очерку Максимова как бы подтверждает его собственные выводы о невозможности приложить к жизни теорию непротivления...

Особый интерес к книге Максимова «Сибирь и каторга» Чехов проявляет при подготовке к путешествию на Сахалин. 22 марта 1890 года в письме к Суворину Чехов просит прислать эту книгу. Можно даже предположить, что знакомство с самим Максимовым и его книгой в определённой степени оформили желание Чехова своими глазами увидеть Сахалинскую каторгу.

Вернувшись из путешествия и приступив к написанию книги «Остров Сахалин», Чехов 14 мая 1891 года обращается к Алексею Долженко, двоюродному брату, сыну тётки Чехова со стороны матери, с просьбой «...привезти мне из моей библиотеки книги... Максимова “Сибирь и каторга”... книги переплетены и стоят на полке...» (Чехов пишет это письмо, находясь в г. Алексин). С такой же просьбой Чехов обращается и к Суворину. Он просит прислать ему книгу Максимова, необходимую для работы над главами 1–8 книги «Остров Сахалин».

В январе 1893 года именно Чехов приглашает Максимова участвовать в «Обедах беллетристов». Впервые известие о «беллетрических обедах» появилось в журнале «Новое время» 14 января 1893 года. Заметку написал сам Чехов: «Вчера, 12 января, почти все наши беллетристы, пребывающие в Петербурге, собрались в “Мало-Ярославце”, чтобы отметить Татьянин день – годовщину старейшего из русских университетов и положить начало “беллетрическим обедам”. Обедающих было 18. В том числе: Чехов, Суворин, Немирович-Данченко, Мамин-Сибиряк и Максимов». Обеда беллетристов проводились в Петербурге с 1893 по 1901 год, и на них неизменно присутствовал Максимов.

Первый обед беллетристов, состоявшийся 12 января 1893 года, Чехов описывает в письме к сестре Марии Павловне: «Здесь весело. Вчера был Татьянин день, был обед беллетристов. Обед вышел блестящим. Кроме молодых были Григорович, Максимов, Суворин... Обед выдумал я, и теперь беллетристы будут собираться обедать ежемесячно». 16 января Чехов вновь пишет сестре письмо, в котором рассказывает о встрече с Максимовым на именинах Свободина.

Особый интерес представляет запись в дневнике, сделанная Чеховым в 1897-м. Он пишет: «Такие писатели, как Н. Л. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, её духа, её форм, её юмора, совершенно непонятного для них и видящие в русском человеке ни больше, ни меньше, как скучного

инородца...» Перефразируя, можно сделать вывод, что Чехов называл Максимова писателем, знающим русскую коренную жизнь, её дух, её формы, её юмор.

В свою очередь, Максимов также относился к Чехову с уважением, несмотря на почти тридцатилетнюю разницу в возрасте. В 1899-м он подписывает Чехову свою книгу «Нечистая сила». Сейчас эта книга с дарственной надписью Максимова хранится в Таганрогском музее Чехова.

Не случайно именно кандидатуру Максимова Чехов рекомендует к избранию в члены Академии наук. В своём письме М. И. Сухомлинову, председателю Второго отделения Академии наук и учреждённого разряда изящной словесности, от 3 мая 1900 года Чехов пишет: «...к избранию в Почётные академики я имею честь предложить следующих лиц: Михайловского Н. К., Боборыкина П. Д., Спасовича В. Д., Эртеля А. И. и Максимова С. В.».

В почётные академики были избраны только С. В. Максимов и П. Д. Боборыкин. Их кандидатуры набрали две трети голосов действующих академиков.

В последний раз Чехов упоминает Максимова 10 ноября 1901 года (после смерти Максимова) в письме к П. Ф. Иорданову, городскому голове Таганрога, – просит составить и прислать список фотографий, имеющихся в библиотеке. «Я не помню, – пишет Чехов, – кого я уже послал, и теперь нахожусь в затруднительном положении». Иорданов прислал Чехову этот список фотографий. В него входило 31 имя знаменитых людей России, в том числе Толстой, Чехов, Горький и др. Чуть позднее Чехов собственноручно дополнил этот список именами Григоровича, Станиславского, Немировича и Максимова. Более того, в этой коллекции есть фотография, на которой изображены вместе Антон Павлович Чехов и Сергей Васильевич Максимов.

Итак, в течение пятнадцати лет, с 1886 по 1901 год, Чехова и Максимова связывали отношения сотрудничества и личного взаимного уважения. Уже тот факт, что, благодаря Чехову и той характеристике, которую он дал Максиму, последний был избран почётным академиком, говорит о большом вкладе С. В. Максимова в русскую литературу.

